УДК 398.22(571.54)

ББК 82.3(4Рос)

DOI 10.31554/2222-9175-2021-44-107-113

Е. А. Тихонова

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛИЧНОСТЬ В ФОЛЬКЛОРНОМ ТЕКСТЕ: СКАЗКА ИЛИ БЫЛЬ?

Рассматривается хранящийся в ЦВРК ИМБТ СО РАН вариант текста о «справедливом» правителе (Петре I) с точки зрения прагматики повествования и его жанровой принадлежности. Прагматика сказки и прагматика были (предания) заставляют исполнителей по-разному осмысливать историческую личность. Образ Петра I в забайкальском тексте намного ближе к сказочному, чем даже к условно историческому.

Ключевые слова: прагматика, семантика, мотив «неузнанности», жанровая классификация, предание, сказка.

E. L. Tikhonova

A HISTORICAL PERSON IN A FOLKLORE TEXT: A FAIRY TALE OR A TRUE STORY?

The article examines the version of the text about the “just” ruler (Peter I), which is stored in the Central Library of the Russian Academy of Sciences, from the point of view of the pragmatics of the narrative and its genre affiliation. The pragmatics of fairy tales and the pragmatics of “true story” (legend) force performers to interpret the historical person in different ways. The image of the Peter I in the Transbaikalian text is much closer to the fairy-tale than even to the conventional historical one.

Keywords: pragmatics, semantics, the motif of “lack of recognition”, genre classification, legend, fairy tale.

Введение

Сегодня все большую актуальность в исследовании языка, в т. ч. и языка фольклора, приобретает антропологический аспект. Антропологическая лингвистика, призванная изучать все сферы жизни народа через его язык, не в последнюю очередь (а, может быть, даже и в первую, наряду с диалектами) должна обращаться к исследованию фольклора этого народа. Язык фольклора, если так можно сказать, в высшей степени этноцентричен, а детальное изучение фольклорных текстов, с одной стороны, дает возможность выявить прагматику (связь с действительностью) этих текстов, а с другой – показать речевую парадигму носителей фольклора, в основе которой лежит человеческий фактор. Сегодня в фольклористике, в исследовании устных традиций преобладают такие направления, как психологизм, структурализм, функционализм [Березкин 2015: 167]. Представляется, что прагматическое исследование фольклорных текстов в какой-то степени объединяет в себе все эти направления.

Фольклорный текст – специфичное явление, отличное и от литературного текста, и от бытового высказывания. Специфичны природа фольклорного текста, принципы его порождения, особенности бытования и сохранения в памяти народа. Учитывая специфику фольклорного прозаического текста, важно не забывать, что это «не литературное произведение, а фольклорная проза, рассчитанная на устное исполнение и восприятие ее именно в той обстановке, где она была рождена и бытовала (выделено мной. – Е. Т.)» [Прозаические жанры... 1977: 7]. Данное утверждение выводит анализ фольклорного произведения на прагматический уровень.

ТИХОНОВА Елена Леонардовна – доктор филологических наук, доцент, старший научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ, Россия). E-mail: tipldk@yandex.ru.

На прагматике текста сказывается еще и тот факт, что фольклорный прозаический текст несет на себе печать индивидуальности его рассказчика (проблема традиционного/индивидуального в фольклоре). И. Н. Райкова утверждает: «Каждое произведение несет на себе печать яркой индивидуальности его рассказчика, что не противоречит традиционности сюжета, образов, стиля. Не всякий человек может стать хорошим исполнителем исторической прозы. Для этого нужно особое умение сопереживать своим героям, отдаленным от тебя во времени, примерять события прошлого к современности, извлекая из них уроки, наконец, верить в то, о чем рассказываешь, чтобы увлечь слушателя, заставить и его верить, что это не пустая байка» [1993: 5]. Таким образом, предметом прагматики в фольклоре является фольклорный текст в прагматической ситуации, т. е. в условиях своего живого функционирования, живой связи между исполнителем и слушателем. Прагматику фольклорного текста можно обозначить как функционирование текста в «живой речи», как неразрывное единство текста и дискурса. Более того, и жанровая принадлежность текста определяется его прагматикой: для исполнения выбирается тот жанр, который наиболее адекватен сложившейся ситуации. Семантика фольклорного текста также зависит, в первую очередь, от ситуации, в которой он исполняется. Таким образом, прагматика и семантика фольклорного текста определяются той ситуацией и в целом той средой (мы ее называем традицией), в которой функционирует текст.

Прагматика сказки и прагматика были (предания) заставляют исполнителей по-разному организовывать свои тексты/высказывания, даже если героем этих высказываний оказывается одно и то же историческое лицо. С прагматической точки зрения важна интерпретация фольклорного текста слушателями – как истинного, объективного (предание), так и ложного, вымышленного (сказка). Но встречаются тексты и с прагматической, и с жанровой точкой зрения неоднозначные, вызывающие сложности при их классификации. Таков текст, записанный в 1956 г. на территории Республики Бурятия (Западное Забайкалье) и содержащий мотив неузнанности царя Петра I.

Основное содержание

В фольклоре разных народов бытует типологически сходный мотив неузнанности царя, правителя, вождя. В русском фольклоре неузнанный правитель выступает в качестве героя как в несказочной прозе (предания, легенды), так и в сказках. Мотив неузнанности, как правило, коррелирует в этих жанрах с образом «справедливого» правителя. В качестве «справедливого» правителя в традиционном русском фольклоре могут выступать Иван IV Грозный, Екатерина II, Александр I, реже – Борис Годунов и Иван III [Она же 1995]. Но наиболее часто героем устной прозы о «справедливом» царе выступает Петр I, в образе которого воплощается народная мечта о добром и справедливом (без кавычек) правителе.

Тексты разных жанров о Петре I в свое время собрала, систематизировала, классифицировала и опубликовала в сборнике «Петр I. Предания, легенды, сказки и анекдоты» И. Н. Райкова [1993]. В фольклоре русских старожилов Республики Бурятия также зафиксирован текст на сюжет о «справедливом» царе, не узнанном его подданными. Таким царем в забайкальском варианте является Петр I. Учитывая тот факт, что текст еще не был опубликован, приведем его полностью:

«При Петре I было. Пришел новобранец в роту. Ротный командир был жестокий игрок в карты. Проиграл все свои деньги. На ум пало ему: новобранец пришел в роту, наверно, деньги есть. Он отправляет холуя: «Иди, попроси пять рублей денег у новобранца». Новобранец дал холую пять рублей денег. Командир второй раз стукнул, проиграл опять. Посылает второй раз: «Иди попроси еще пять рублей». Он опять дает пять рублей. Он стукнул, опять проиграл. Посылает третий раз, проиграл. Все говорил, что двадцатого числа отдаст. Пришло двадцатое число, солдат пошел к ротному командиру просить деньги. «Ваши благородие, я по деньгам пришел». Тот: «Ох ты мерзавец, где я деньги брал, куда?» Давай на него ногами топтать, наместо пятнадцати рублей он ему плетями пятнадцать раз вкатил. Солдат пошел к командиру полка жаловаться. Там судить да рядить, двадцать ему вкатили. Пошел к командиру корпу-

са, там судить да рядить, двадцать пять вкатили. Пойду, думат, к самому Петру I. И пошел прямо... взял свисток, тесак. Пошел тайгой. Наткнулся на зимовейко охотничко и остановился переночевать. А Петр I был в это время на охоте и заблудился. А солдат у зимовейка стоит и посвистывает. Петр I услышал и к зимовью пришел. У Петра было чо выпить и закусить в сумке. Выпили, закусили. Петр I устал, лег отдохнуть, зовет того (солдата. – Е. Т.), а тот: «Нет, я не буду... как слуга Отечества, на посту». И он всю ночь простоял. Петр I уснул. Утром встают. Петр говорит: «Залезти надо на лесину, где нет ли строения». Солдат залез и увидел дом. Петр I говорит: «Садись давай, поедем». «Нет, – говорит, – я пехотинец, мне полагается пешком идти, я не сяду, пойду помаленьку за Вами».

Подъезжает к дому, ворота на замках, огорожены оградой. Петр I хотел перескочить, но солдат говорит: «Нет, погоди, я сам». Там собака на него наскочила, он зарубил собаку тесаком. Открыл ворота, Петр I заехал в ограду, заходя в избу. На столе вся закуска, вино. В избе одна старуха, стара-стара. Солдат садится за стол, садит Петра I. Петр I стесняется. Он на него: «Ты чо, товарищ, закусывай, выпивай». Тот говорит: «Я не хочу». Пообедали, сдумали отдохнуть, хотели прямо тут, но солдат говорит: «Нет, тут чо-то неладно, надо на чердак». Петр I намучился, лег и уснул сразу. А солдат не спит. Глядит, едут двенадцать человек, все на конях. Заезжают в ограду, коней привязали, сами в избу. Старуха их мать, они все братья, старший атаман. Сяли обедать. Мать рассказала, что двое каких-то заехали, без всякого за стол, наелись. «А где они?» – спрашивают. «Там, на чердаке, ушли отдыхать». «Но мы чичас пообедаем да подберем», – говорит атаман. Пообедали. Он отправляет младшего брата: «Иди, там, уничтожь». Тот только сунул голову, солдат тесаком наверху и голову отрубил. И всех так по одному зарубил, а головы складывал. Потом сам атаман пришел, он атаману. Потом лег и уснул. Петр I проснулся и видит, двенадцать голов лежат. Он всех их склал. Давай будить солдата: «Это чо тут?» Тот сругался: «Если, – говорит, – не я бы, так наши головы таскались бы тут». «Но, – думает Петр I, – солдат спас». Слезли с чердака и давай у старухи спрашивать, где золото. Старуха не кажет. Он ее настраишал. Она кнопку в стене нажала, появилось золото, потом серебро. Петр I ничо не берет. Солдат полный ранец набил и карманы. Поехали дальше и выехали. Когда недалеко стало, солдат говорит: «Но, я пойду, жалобу расскажу». Петр I говорит: «Покамест подходишь, жалобы будут обслужены». Петра I уже встречают, кричат: «Ура! Нашелся государь!» Он говорит: «Вот пойдет солдат, вы встречайте так же, как и меня». Солдат подходит, там командуют: «Смирно, равняйся!» Он думает: «Неужели Петр I рассказал, что у меня есть золото». Руку в карман и бросат войскам золото по горсти. Подходит, там его уж провожают к Петру I часовые. Завели в комнату, и Петр I выходит в охотничьей одежде. «Но, – говорит, – товарищ, жалобы обскажут, сейчас Петр I придет». А сам снял охотничью одежду и одел царскую. Солдат давай козырять ему. Петр I говорит: «Вольно, вольно. Я был это». И произвел его в полны генералы. И дал ему такой приказ: «Вали в свою часть и како хошь, тако и давай наказание им» (зап. Е. С. Лукнева от Константина Ивановича Суранова, 60 лет, с. Творогово Кабанского района РБ, июль 1956 г.) (ЦВРК ИМБТ СО РАН, инв. № 1756/4, тетр. 5, л. 18–21).

Приведенный текст представляет сложность с точки зрения его жанровой классификации: в нем присутствует и поэтика сказки, и присущая преданию установка на достоверность сообщаемого. Сказочная поэтика проявляется в троекратных повторениях ситуаций: трижды командир брал у солдата деньги, обещая вернуть («Все говорил, что двадцатого числа вернет»), трижды солдат пытался вернуть долг, трижды солдат был наказан плетью за эти попытки: «наместо пятнадцати рублей он ему плетями пятнадцать раз вкатил. Солдат пошел к командиру полка жаловаться. Там судить да рядить – двадцать ему вкатили. Пошел к командиру корпуса, там судить да рядить – двадцать пять вкатили. Пойду, думат, к самому Петру I». В сказочных же традициях выдержан и образ царя: Петр I представлен именно как «сказочный» царь – глуповатый, трусливый, недальновидный.

Однако начало повествования выдержано в жанровых границах предания, так как 1) есть хронологическая приуроченность (*«При Петре I было»*); 2) исполнитель (мужчина) явно знаком с военной службой и рассказывает о событии как о реальном, а не вымышленном (сам исполнитель верит тому, о чем рассказывает, и слушатели тоже должны этому верить); 3) в тексте присутствуют бытовые детали, «удерживающие» повествование в реалистической плоскости (самая яркая из них – обещание вернуть долг 20-го числа (*«Все говорил, что двадцатого числа вернет»*): в советское время зарплату/аванс выдавали именно 20-го числа каждого месяца).

По дороге, в тайге, солдат встречает заблудившегося на охоте Петра I, не узнает его, выпивает и закусывает с ним, устраивает царя на ночлег, спасает ему жизнь. Попадая к царю на аудиенцию, не сразу признает в нем царя (пока царь в *«охотничьей»* одежде). Момент узнавания наступает только тогда, когда царь *«снял охотничью одёжу и одел царскую. Солдат давай козырять ему. Петр I говорит: "Вольно, вольно. Я был это". И произвел его в полны генералы. И дал ему такой приказ: "Вали в свою часть и како хочь, тако и давай наказанье им"»*.

Основная функция царя в рассказе – восстановить справедливость, наказав нечестных командиров и наградив умелого и сообразительного солдата. А чтобы выполнить эту функцию, царю необходимо покинуть дворец и встретиться с героем рассказа. Мотивировка появления царя/правителя вне дворца в народной прозе может быть самой разной: царь/правитель

- инкогнито обходит свои владенья (Петр I);
- пристает к шайке разбойников, чтобы заставить их обокрасть казнохранителя (Иван Грозный);
- ходит ночью по городу и ищет толковых солдат, которых учит и производит в генералы (Петр I);
- овладевает ремеслами, в частности кузнечным делом (Петр I) и др. [Райкова 2004: 35–36].

В забайкальском варианте рассказа Петр I покидает дворец, чтобы поохотиться. Мотив неузнанности (царь/правитель/вождь остается неузнанным его попутчиком/собеседником), возникающий при встрече солдата с царем, имеет двойственную природу. С одной стороны, как отмечает И. Н. Райкова, мотив восходит к системе запретов, окружавших вождей/царей и их детей в древности, так как от их благополучия зависело благополучие всего народа [2004: 35]. В. Я. Пропп в работе *«Исторические корни волшебной сказки»* пишет: *«Каждое движение их (царей. – Е. Т.) регламентировалось целым кодексом, чрезвычайно тяжким для исполнения. Одним из правил этого кодекса было никогда не покидать дворца. <...> Во многих местах царь – таинственное, никем никогда не виданное существо»* [Пропп 2002: 23]. А, как известно, за любым запретом следует его нарушение, и царь по одной из вышеназванных причин покидает дворец, царя не должны видеть вне дворца, поэтому его не узнают и т. д.

С другой стороны, мотив неузнанности «соответствует реальным свойствам, пристрастиям русских исторических прототипов. Так, известно, что Петр I всегда одевался слишком просто для царя, а любимыми забавами как Ивана Грозного, так и Петра I были переодевания, маскарады, шутовские лицедейства и т. п.» [Райкова 2004: 35]. Таким образом, мотив неузнанности имеет глубокие корни как в мифологии, так и в исторической действительности.

Прагматический аспект нарушения запрета заключается не только в том, чтобы царь, покинув дворец, удовлетворил какие-то свои запросы и желания, но и в том, чтобы он оказался в ситуации, реально способствующей его встрече с героем из простого народа, в нашем случае – с солдатом.

При всем демократизме царя Петра I (*«У Петра было чё выпить и закусить в сумке. Выпили, закусили»*; Петр I предлагает солдату сесть вместе с ним на лошадь, а не идти пешком и т. д.) его образ в забайкальском варианте рассказа далеко не идеален и, как это бывает в жанре сказки, даже выступает антиподом образу простого солдата.

По традиции в русской несказочной прозе (преданиях и легендах) о «справедливом» правителе царь предстает активным, умным, обладающим необыкновенными

способностями человеком. Он может овладевать ремеслами, делать что-либо своими руками; делать что-либо первым; проявлять выдающуюся физическую силу; вести мудрую (иносказательную) беседу; предпочитать простую пищу/одежду/жилище/баню; воцаряться чудесным способом; укрощать природную стихию; выращивать чудесного коня; оставаться неузнанным для попутчика, собеседника [Райкова 2004: 35]. То есть в сказочной прозе царь обязательно проявляет свои выдающиеся способности, свою прозорливость. Например, в тексте о Петре Первом (который мы смело можем отнести к жанру предания) Петр предстает, во первых, желающим овладеть новым мастерством, во-вторых, – хитрым/умным провокатором (спровоцировал «пьянчужку» поделиться секретами мастерства): *«Как только время свободное ему (Петру I. – Е. Т.) от черной работы, так он все по кабакам ходил да у мастеров выведывал о их мастерстве: все научиться хотелось всему. Приходит раз в кабак и встретил там оборванного пьянчужку; взял водки, а его не потчует. “Ты, видно, ничего не умеешь?” – спрашивает. – “Что больно обтрепан?” – “Нет, – говорит, – умею вот такое-то ремесло”. – “А как вот эту вещь делать?” – “Так вот”, – говорит. “Вреши!” – “Нет, ты вреши!” Поднялся спор, и пьянчужка доказал Петру, что он врет. Петр остался этим очень доволен, потому что о мастерстве все, что надо, разузнал; и напоил мастерового в лоск»* [Прозаические жанры... 1977: 187].

В забайкальском же варианте царь только способен оставаться неузнанным его попутчиком-солдатом. Мотив «царь проявляет свои способности» в рассматриваемом тексте отсутствует. Вообще, образ царя Петра I (в отличие от образа солдата) в забайкальском варианте рассказа разработан скорее в сказочных традициях, чем в традициях сказочной прозы. В сказках царь всегда антипод герою из народа. В рассматриваемом тексте царь Петр I также уступает простому солдату в силе, сноровке, сообразительности, и если бы не солдат, Петр I лишился бы жизни: его спящим зарезали бы разбойники. Царь физически слаб, не способен нести караульную службу (*«Петр I устал, лег отдыхать, зовет того (солдата. – Е. Т.), а тот: “Нет, я не буду. Как слуга Отечества, на посту”. И он всю ночь простоял. Петр I уснул»*); не способен почувствовать беду (*«Петр I намучился, лег и уснул сразу. А солдат не спит. Глядит, едут двенадцать человек...»*), стеснителен, скован в общении (*«Солдат садится за стол, садит Петра I. Петр I стесняется. Он на него: “Ты чо, товарищ, закусывай, выпивай”. Тот говорит: “Я не хочу”»*). Превосходство царя над подданными, явно наблюдаемое в сказочной прозе, в рассматриваемом тексте отсутствует, напротив, наблюдается обратная картина: превосходство солдата над царем, хотя солдат пока и не знает, что перед ним царь. С прагматической точки зрения обращает на себя внимание анахронизм (обращение *«товарищ»*), который свидетельствует о «советском» характере дискурса, в то время как действие рассказа относится ко временам Петра I.

Реализуется как личность, как «справедливый» правитель Петр I только в конце повествования, когда вершит справедливый суд. В рассказе присутствует мотив – «царь замечает, оценивает способности подданного», который коррелирует с сюжетообразующим мотивом «царь вершит справедливый суд». Мотив неузнанности в забайкальском варианте текста на сюжет о «справедливом» царе позволяет более полно и развернуто проявиться способностям не царя (проявление выдающихся способностей царя во время неузнанности свойственно жанрам сказочной прозы), а солдата, как это свойственно жанру сказки.

Заключение

С точки зрения жанровой принадлежности забайкальский текст представляет собой переходную форму от предания к сказке: он наделен некоторыми жанровыми признаками предания (один из главных героев – историческая личность, отсутствие чудесного/фантастического в ткани повествования, наличие конкретно-бытовых деталей, хронологическая приуроченность), но в то же время образ «справедливого» царя Петра I в забайкальском тексте намного ближе к сказочному, чем даже к условно историческому, сам текст обладает законченностью сюжета, закрытой структурой, что идентифицирует его со сказкой. Более того, сюжет рассматриваемого текста соотносится со сказочным

сюжетом «Царь и солдат в лесу» [Сравнительный указатель сюжетов... 1979: 243]. И все же нечеткие жанровые границы не позволяют безоговорочно отнести забайкальский текст ни к преданию, ни к сказке.

Таким образом, забайкальский вариант мотива неузнанности в рассказе о «справедливом» царе выполняет то же функционально-прагматическое назначение, что и в других русских региональных/локальных традициях: помогает самовыразиться одному из героев (в преданиях и легендах – правителю, в сказках – человеку из народа) и подготавливает почву для вынесения правителем справедливого решения: ведь именно благодаря своей неузнанности правитель может встретиться с простым человеком и из первых уст узнать об истинном положении вещей. В фольклорной традиции каждый текст воспринимается не сам по себе, а как текст, выполняющий то или иное прагматическое назначение. При этом восприятие слушателями семантики фольклорного текста обычно сопровождается оценкой адекватности его данной прагматической ситуации: на текст, главным героем которого оказывается историческая личность (Петр I), слушатели нацеливаются как на быль. Да и исполнитель не нацелен на рассказывание сказки. Однако забайкальский текст о «справедливом» царе не удерживается в прагматических границах были (предания), нарушает его, предания, жанровые границы и поэтому классифицируется как межжанровое образование, поднимая актуальнейшую проблему стирания межжанровых границ в фольклоре. Анализ одного фольклорного произведения показал, что определяющими факторами порождения текста в тех или иных жанровых границах становится, с одной стороны, знание фольклорной традиции, с другой – человеческий фактор, личность исполнителя.

Работа выполнена в рамках государственного задания (проект «Этнокультурная идентичность в архитектонике фольклорных и литературных текстов народов Байкальского региона») № 121031000259-6.

Литература

Березкин Ю. Е. Распространение фольклорных мотивов как обмен информацией, или где запад граничит с востоком / Ю. Е. Березкин // Антропологический форум. – 2015. – Вып. 26. – С. 153–170.

Прозаические жанры русского фольклора. Сказки, предания, легенды, былички, сказы, устные рассказы. Хрестоматия / сост. В. Н. Морохин. – М.: Высшая школа, 1977. – 296 с.

Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки / В. Я. Пропп; науч. ред., текстолог. коммент. И. В. Пешкова. – М., 2002. – 544 с.

Райкова И. Н. Петр I. Предания, легенды, сказки и анекдоты / И. Н. Райкова. – М., 1993. – 111 с.

Райкова И. Н. Русские предания, легенды, сказки, лубок и массовая литература о «справедливом» царе (Традиционные сюжеты, мотивы, поэтика): автореф. дис. ... канд. филол. наук / И. Н. Райкова. – М., 1995. – 18 с.

Райкова И. Н. Мотив неузнанности в русской устной исторической прозе о «справедливом» правителе / И. Н. Райкова // Традиционная культура. Научный альманах. – 2004. – Вып. 1(13). – С. 34–39.

Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. – Л.: Наука, 1979. – 437 с.

References

Berezkin Yu. E. Rasprostranenie fol'klornyh motivov kak obmen informaciej, ili gde zapad granichit s vostokom / Yu. E. Berezkin // Antropologicheskij forum. – 2015. – Vyp. 26. – S. 153–170.

Prozaicheskie zhanry russkogo fol'klora. Skazki, predaniya, legendy, bylichki, skazy, ustnye rasskazy. Hrestomatiya / sost. V. N. Morohin. – M.: Vysshaya shkola, 1977. – 296 s.

Propp V. Ya. Istoricheskie korni volshebnoj skazki / V. Ya. Propp; nauch. red., tekstolog. komment. I. V. Peshkova. – M., 2002. – 544 s.

Rajkova I. N. Petr I. Predaniya, legendy, skazki i anekdoty / I. N. Rajkova. – M., 1993. – 111 s.

Rajkova I. N. Russkie predaniya, legendy, skazki, lubok i massovaya literatura o «spravedlivom» care (Tradicionnye syuzhety, motivy, poetika): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk / I. N. Rajkova. – M., 1995. – 18 s.

Rajkova I. N. Motiv neuznannosti v russkoj ustnoj istoricheskoj proze o «spravedlivom» pravitele / I. N. Rajkova // Tradicionnaya kul'tura. Nauchnyj al'manah. – 2004. – Vyp. 1(13). – S. 34–39.

Sravnitel'nyj ukazatel' syuzhetov. Vostochnoslavyanskaya skazka / sost. L. G. Barag, I. P. Berezovskij, K. P. Kabashnikov, N. V. Novikov. – L.: Nauka, 1979. – 437 s.